

- ²³ 'Αυθριώτης Ν. Ἑτυμολογικὸ λεξικὸ τῆς Κοινῆς Νεοελληνικῆς. Θεσσαλονίκη. 1971, 220.
- ²⁴ Devoto G. Avviamento alla etimologia italiana. Dizionario etimologico. Firenze, 1968, 51.
- ²⁵ Triandaphilides A. Die Lehnwörter der mittelgriechischen Vulgärliteratur. Strassburg, 1911, 44–53.
- ²⁶ Ο так называемом "иррациональном назальном согласном" в истории греческого языка см.: Κουκουλές Φ. Περί ἀνπτύξεως ἑπιπίου ἔν τῇ νεωτέρᾳ Ἑλληνικῇ // Ἀθῆνα 49, 1939, 79–143.
- ²⁷ Щербак А. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970. 179–181; Добродомов И.Г. Указ. соч.
- ²⁸ См. еще: Dukova U. Die Bezeichnung der Dämonen im Bulgarischen 9.
- ²⁹ Шклифов Бл. Костурският говор. С., 1973, 47.
- ³⁰ Пирински край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. С., 1980, 469.
- ³¹ Попов Р. Вампирът в българските народни вярвания // Векове 1, 36.

Перевела с болгарского Л.В. Куркина

Принятые сокращения

АИР –	Архив на Идеографския речник на българския език. Катедра по български език на ФСФ – СУ. София.
ДА –	Диалектен архив на Института за български език при БАН. София.
Стойков-Младенов –	Стойков Ст., Младенов М. Проект за "Идеографски диалектен речник на българския език" // БЕз 19, 155–170.
ТрСб –	Тракийски сборник 1–6, 1928–1936. София.

А.А. Кретов*

МЕДВЕЖАТА, ВЕРБЛЮЖАТА, ЦЫПЛЯТА И СВИНЬЯ: СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

"Неясно образование *медвежбнок*, где *ж* указывает как будто на то, что уменьшительная форма образована непосредственно от *медвѣдь* (ср. *лебеденок*, *лисѣнок*)."

В.И. Борковский, П.С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 1963. С. 193.

Слова *медвежата*, *верблюджата*, *цыплята* – сколь бы привычными они нам ни казались – в свете известных фонетических закономерностей представляются неожиданными ("нормальны" были бы формы *медведята, *верблюдята, *цыплята) и требуют своего объяснения. Чтобы разобраться в этой "неправильности", слова *медвежата*,

* © А.А. Кретов

верблюжата, цыплята следует рассмотреть вместе со словом *свинья*. Причем уместнее начать именно с последнего.

Как известно¹, и.-е. *su-s 'свинья' (ср. лат. *sus*, др.-в.-нем. *su*) дало, еще на индоевропейской почве, прилагательное **su-in-* (ср. лат. *su-in-us*, гот. *sw-ein* ср.р. 'свинья', слав. *sv-in-ъ). В морфемном и словообразовательном отношении здесь имеет место полное подобие. В семантическом отношении следует отметить в готском *swein* значение 'свинья', вместо ожидаемого 'свиной': гот. *swein* является субстантивированным прилагательным. Таким же субстантивированным прилагательным являлось и славянское *sv-in-ъ (ср. раннее полное прилагательное *свиной*). После того, как процесс субстантивации краткого прилагательного завершился, от – уже существительного – *свинъ* было образовано притяжательное прилагательное с суфф. *-bj-*: *свин-bj-* (*сви́ний, сви́нья, сви́нье*), а затем вновь произошла субстантивация адъективной формы женского рода: *свинья матка* – *свинья* (ср. *свиноматка*). Форма притяжательного прилагательного была переосмыслена как форма существительного типа *семья, земля*, что привело к аналогическому перенесению ударения с основы на флексию: *сви́нья* > *свинья́* (весьма показательно в этом отношении сохранение в этом слове ударения на *и* в сербохорватском и словенском языках при ударении на *а* в болгарском языке).

Таким образом, мы имеем дело с двукратной субстантивацией прилагательного. О том, что *свинья* является производным от *свин*, писали А. Мейе и М. Фасмер². Но подробности этого процесса были не совсем ясны не только им, но и О.Н. Трубачеву: "...в своей полной форме слав. *svinьja* представляется сугубо славянской инновацией не совсем ясного морфологического характера: и.-е. *suinos, слав. *svinъ, ср. рус. *свиной* + суффикс *-ья*"³.

Косвенным аргументом в пользу двукратной адъективности слова *свинья* может служить невозможность образования от него прилагательного: *семья* > *семейный*, *земля* > *земельный*, *земляной*, при невозможности *свинья* > *свиньяной, *свинейный.

Итак, мы зафиксировали, что название животного может быть субстантивированным прилагательным. Этот пример не единичен: ср., например, *сохатый* 'лось', *носорог* букв. 'носорогий', *лебедин* (?) 'лебедь самец' (кубан., урал., перм., новгор., СРНГ 16, 301).

Если рассматривать слово *свинья* как субстантивированное прилагательное, то морфологический характер славянской инновации абсолютно ясен: и.-е. *su-s > и.-е. **su + in-(os)* > и.-е. **svin(ъ)* > слав. **svin + bj-* (*ь, а, е*) > рус. *свинья́*. При этом *-bj-* – унаследованный из общеиндоевропейской эпохи суффикс, соответствующий и.-е. **-jo-*, **-ijo-*. "В древности суффикс был продуктивным и дал много новых образований. Он остался продуктивным и далее, поскольку представляет прилагательные с значением принадлежности, равнозначные

греческому родительному падежу. (...) В форме на *-ьѣ* прилагательное часто имеет более широкое значение: *рабии* от *рабъ* обозначает "принадлежащий рабу", а также "рабский" (свойство);...⁴. "Суффикс *-j-*, продуктивный при образовании притяжательных прилагательных еще на праславянской почве, в древнерусском языке уже не выделялся как суффикс, прилагательное отличалось от существительного ступенью конечного согласного морфемы, непосредственно предшествующей бывшему суффиксу, ср. *володимирь* или *володимерь* (от *Володимиръ* или *Володимеръ*), *всеволожь* (от *Всеволодъ*); *княжь* от *князь*, и т.д.; но родственный этому суффиксу более редкий суффикс *-ьj-* (< *ij*) выступал как таковой и в эпоху памятников в таких образованиях, как *вълчии* от *вълкъ*, например, *вольчьѣ хвоста* (Лавр. лет., л. 27); впоследствии так же образовывалось и прилагательное *медвѣжии* (от *медвѣдь*), но в древности оно шло по типу *Всеволодъ* – *Всеволожь*, ср.: *въ образѣ медвѣжи* (Лавр. лет., л. 66). (...) Суффиксы – одни и те же – могли появляться в составе как именных, так и местоименных прилагательных. (...) Местоименные формы обычны в женском роде (при именных в мужском)...⁵.

Отметим, что в Лаврентьевской летописи зафиксировано притяжательное прилагательное *медвежь*, образованное посредством суф. *-j-*.

На примере слова *свинья* мы видели, что притяжательное прилагательное могло субстантивироваться и, следовательно, из *медвежь* 'медвежий' могло получиться *медвежь* 'медвежий самец, медведь'. На то, что эта субстантивация состоялась, указывают прилагательные же, образованные от данной основы: *медвеж-н(ое) плясание* (XVI в.) (СлРЯ XI–XVII вв.), *медвеж-н(а)* 'медвежья шкура' (нижегор., субстантивированное прилагательное), *медвеж-ин(ый)* 'медвежий' (ряз.) (СРНГ 18, 68–69). Еще более убедительно об этом говорит параллелизм производных с основами *медвед-* и *медвеж-* (слова с пометами см. в СРНГ 18, 64–69; слова без помет см. в БАС): *медведий* (том., тобол, вят., новгор.) – *медвежий*; *медведёнок* (вят.) – *медвежонок*; *медведята* (смол., перм.) – *медвежата*; *медвединый* (ряз.) – *медвежиный* (ряз.); *медведина* ('мясо, шкура, большой зверь') – *медвежина* ('мясо, шкура') (краснояр., вост-казах., сиб., свердл., самар.); *медведятина* 'медвежати́на' (вят.) – *медвежати́на*; *медведиха* (ряз.) – *медвежиха* (Ср. Урал, свердл., вят., Киров., том., сиб., хабар.); *медведица* – *медвежица* (краснояр., амур., том., сахалин., псков., твер., приангар.); *медведка* (раст.) (уфим.) – *медвежка* (раст.) (новосиб., свердл.); *медведна* ('шкура, постель') – *медвежна* ('шкура') (сиб, камч., псков., нижегор.); *медведник* (зап., смол.) – *медвежник* (южн.-урал., псков., калуж.).

Наличие обоих рядов практически на одних и тех же территориях исключает объяснение их генезиса теми или иными диалектными

особенностями. Ср. также пары *верблюдина* (Слов. Акад. 1847) – *верблюжина* (Соколов, Слов, 1834, доп. – БАС 2, 169), *верблюдина* ‘трава’ – *верблюжина* ‘мясо’ (Даль), *верблюдник* ‘упряжь’ – *верблюжник* ‘погонщик’ (СРНГ 4, 121–122). Форма же *медведий* образована суф. *-ьj-*, родственным и синонимичным суф. *-j-*, отраженному в прилагательном *медвежий* (ср. суф. *-ьj-* в паре *лис(a) > лисий* и *-j-* в паре *лес > леший*).

О производных на **ent* со значением ‘незрелое живое существо’ известно, что они, как правило, образовывались от существительных, обозначающих взрослую особь: *лис(a) > лис-ят(a)*, *волк > волчат(a)*, *гусь > гус-ят(a)*, *кот > кот-ят(a)* и т.п. Однако известны случаи, когда этот суффикс прибавлялся и к основе прилагательного: *лебедь > *лебед-н(ые)* (птены) *> лебед-н-ят(a)* (Филин 16, 301), об этом же процессе свидетельствует, на наш взгляд, и форма *медвеёнок* ‘медвежонок’ (Ах, и что в поле зачернелось: Ти медведица с *медвеятами*. смол., 1890, Филин 18, 69). Форму *медвеята* можно понять как производную от *медвед-н-ят(a)* в результате диссимилятивного упрощения группы согласных: *дн > н*; в таком случае имеется полная аналогия рассмотренному выше процессу: *медведь > медвед-н(ы)* (детёныши) *> *медвед-н-ят(a)*. Промежуточное звено этой цепи зафиксировано в диалектах и памятниках языка: *медведна шкура* (СлРЯ XI–XVII вв.) или *медведна* ‘шкура медведя’ (СлРЯ XI–XVII вв. и СРНГ 18 65) как прилагательное и как субстантивированное прилагательное. Поэтому форма *медвежата* могла образоваться и независимо от процесса субстантивации: *медведь > медвед-j(ь)* ‘медвежий’ *> медвежи* (детёныши) *> медвеж-ат(a)*. Ряд *верблюд > верблюж(ий) > верблюж-ат(a)* образован по этой модели. Тут надо учесть, что форма *верблюдь* зафиксирована не ранее XIV в. Более ранние формы *вельбудь* и *вельблудь* зафиксированы в X–XI вв. В это же время зафиксированы прилагательные *вельбужь* и *вельблужь* (Срезневский; СлРЯ XI–XVII вв.; СлДРЯ XI–XIV вв.). Эти же прилагательные есть в старославянских текстах и зафиксированы они едва ли не ранее, чем прилагательное *медвѣжь*. С верблюдами (по крайней мере заочно) славяне познакомились уже по первым славянским переводам Евангелия, описывающим реалии Ближнего Востока. Форма *верблюжий*, зафиксированная в русских текстах не ранее XVI в., является лишь трансформом др.-рус. *вельблужь*, ст.-сл. *вельблужь*, зафиксированных в X–XI вв. Образование такого прилагательного в X в. могло опираться на четкое осознание словообразовательного значения чередования *д/ж* в конце слова, которое фактически выполняло функцию материально отсутствующего суф. *-j-*; как сказал бы И.А. Бодуэн де Куртэнэ, произошла “семасиологизация” (в терминологии Н.С. Трубецкого – “морфонологизация”) первоначально чисто фонетического чередования. И прилагательные *володимерь*, *ярославль*, *радонежь*, образованные

явно после завершения процесса преобразования согласных перед *-j-*, – несомненное тому подтверждение:

На существование субстантивированного прилагательного *вельблужь* (*верблюжь*) ‘верблюд’ указывают его производные в литературном языке и диалектах: *верблюжиха*, *верблюжник* (‘погонщик’, наряду с *верблюдник* ‘упряжь’), но самым красноречивым аргументом в пользу существования субстантивированного прилагательного *верблюжь ‘верблюд’ является прилагательное *верблюжийный*, *-ая*, *-ое*, ‘верблюжий’: *Баз верблюжиный*. *Верблюжно сало* и мазь продают. (Теплов. оренб., 1951). *Азям*, сказать, *верблюжиный*, а зипун – овечья шерсть (Колпаш. том.) (СРНГ 4. 121–122). Это прилагательное, образованное с помощью суф. *-ин(ый)*. А с помощью этого суффикса прилагательные образуются только от существительных, следовательно, данное слово могло образоваться только от существительного *верблюжь. ‘самец верблюда; верблюд’.

Слово *цыплёнок* (*цыплята*) восходит к существительному *цыпа* ‘курица’, отмеченному (с разпой, но близкой семантикой) в восточнославянских, словенском, словацком и латышском (лтш. *ciba* ‘курица’) языках (Фасмер IV, 307). Такая география наводит на мысль о принадлежности слов *cipa ‘курица’ и *cip-cip общеславянскому словарю. Засвидетельствованность слова *цыплёнок-цыплята* только в русском языке привела Вал.Вас. Иванова к выводу о собственно русском происхождении этого слова, что, однако, вовсе не обязательно: вполне могут открыться новые источники, фиксирующие это слово в древнерусском языке или украинских, белорусских или каких-либо других славянских диалектах. Статью *цыплёнок* в Этимологическом словаре стоит привести целиком: "*Цыплёнок*. Собственно русское. Образовано с помощью суф. *-енок* от *цыпля*, сохранившегося в диалектах и являющегося, вероятно, производным с суф. *-j-* от *цыпа*; сочетание *n* с последующим *j* изменилось в *пл*'. *Цыпа* представляет собой образование от звукоподражательного *цып-цып*."⁶

Цып(a) + j, по В.В. Иванову, дает *цыпл(я)*, а *цыпл(я) + енок* дает *цыплёнок*. Но ведь слово *цыпля* в диалектах отмечено только в значении ‘цыплёнок’ (Даль IV, 576)! Если к слову *цыпля* со значением ‘цыплёнок’ прибавляется суф. *-ёнок* со значением ‘незрелое живое существо’, то получается что-то вроде ‘птенец цыплёнка’, а на шаге *цып(a)* ‘курица’ > *цып + j(a) = цыпля* ‘цыплёнок’ суф. *-j-* приписывается несвойственное ему значение ‘незрелое живое существо’.

В.В. Иванов, однако, прав в том, что образование с суф. *-j-* имело место. *Цыплята* образованы по той же модели, что и *медвежата*, *верблюжата* – от прилагательного: *цыпа*: ‘курица’ > **цып-j(b)* = **цыпл(ий)* ‘куриный; свойственный курице’ > *цыпл-ят(a)*. Форму же *цыпля* ‘цыплёнок’ естественнее сблизить с формами ед.ч. на **-ent*: *порося*, *теля* и т.п., замещенными позднее формами на *-енок*.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что существительные на *-ent со значением 'незрелое живое существо' могли образовываться как непосредственно от названий взрослых животных, так и опосредованно – через ступень прилагательного, образованного от последних с помощью суфф. -j- или -n-.

Примечания

¹ См. *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951, 396; *Фасмер III*, 579.

² Там же.

³ *Трубачев О.Н.* Происхождение названий домашних животных в славянских языках (Этимологические исследования). М., 1960, 62.

⁴ *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951, 286–287.

⁵ *Борковский В.И., Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1963, 226.

⁶ *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. С.Г. Бархударова. М., 1961, 367.

Р. Мароевич*

ЗАМЕТКИ ПО ИСТОРИЧЕСКОМУ СЛОВООБРАЗОВАНИЮ.

5–7**

5. Славянские антропонимы типа *Томаши*

На научной конференции, посвященной 125-летию со дня рождения В.М. Истрина (Одесса, 11 апреля 1990 г.), украинский лингвист и ономаст Ю.А. Карпенко попытался фонетическим путем объяснить "загадочное" изменение $z > \dot{z}$ в топониме *Париж* и апеллативе *папеж* и $s > \dot{s}$ в ряде славянских антропонимов, заимствованных посредством западноевропейских языков (личные имена типа *Томаши*). Эти изменения ученый толкует как отражение живого произношения в Моравии в IX столетии, которое западнославянская и южнославянская литературные традиции только продолжили, и связывает их с неразличением согласных *с – ш, з – ж* в псковских говорах и памятниках письменности (уже в древнейших, в XIV столетии). "Уместно поставить вопрос о связи двух описанных явлений. Напрашивается заключение, что праславянскому языку была присуща диалектная черта, выражавшаяся в неразличении либо менее свистящих и шипящих (после их возникновения). Черта эта долее всего сохранялась в двух периферийных регионах – Моравии (где получила литературную традицию, но вышла из живого употребления) и у кривичей (где устойчивой литературной традиции не получила, хотя и проникала в письменные тексты, но зато

*© Радмило Маројевић

**Предшествующие статьи этой серии см.: *Этимология* 1981. М., 1983; *Этимология* 1983. М., 1985.